

ПАРЕМИИ КАК СРЕДСТВО АКТУАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КОНЦЕПТА «СТРАХ» В РУССКОЙ, АНГЛИЙСКОЙ И ЧУВАШСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Кириллова Н.В.¹, Зайцева Е.Л.²

¹АНО ВПО «Московский гуманитарно-экономический институт», Чебоксары, Россия (428023, Чебоксары, ул. Гражданская, 85), e-mail: natkir71@rambler.ru

²ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова», Чебоксары, Россия (428015, Чебоксары, ул. Московский проспект, 15), e-mail: 917elena@mail.ru

Исследования эмоционального аспекта лексических единиц проводятся с разных позиций. В настоящей статье предпринимается попытка проведения сопоставительного анализа паремиологического фонда в таких разноструктурных, но активно контактирующих языках, как русский, английский и чувашский. Анализ языкового материала, проведенный авторами статьи, показывает, что этнокультурные и социальные особенности делают возможным классифицировать сопоставляемые паремии по различным тематическим группам в соответствии с их семантическими признаками. Авторы приходят к выводу, что паремиологическая представленность лексических единиц, вербализующих эмоциональный концепт «страх», отражает специфику языковой картины мира конкретного этноса. Приведенные языковые факты подтверждают, что семиотическая структура пословиц и поговорок включает интертекст, актуализирующий фоновые знания и образные ассоциации носителей русской, английской и чувашской лингвокультур.

Ключевые слова: паремии, восприятие страха, эмоциональный концепт «страх», зооним, испытывать страх, сопоставительный анализ, семантические признаки.

PROVERBS AS A MEANS OF IMPLEMENTATION OF THE EMOTIONAL CONCEPT "FEAR" IN RUSSIAN, ENGLISH AND CHUVASH LINGUISTIC PICTURES OF THE WORLD

Kirillova N.V.¹, Zaitseva E.L.²

¹Chuvash branch of the Moscow Institute of Economics and Humanities, Cheboksary, Russia, (428023, Cheboksary, street Grazhdanskaya, 85), e-mail: natkir71@rambler.ru

²Chuvash State University n.a. I.N.Ulyanov, Russia (428015, Cheboksary, Moscow avenue, 15), 917elena@mail.ru

Emotional aspect of lexical units can be studied from different positions. The article deals with the comparative analysis of proverbs and sayings of different languages (Russian, English and Chuvash). The analysis of languages shows that the ethno-cultural and social characteristics make it possible to classify the compared proverbs and sayings and form various theme groups according to their semantic aspect. The authors conclude that paremiological representation of verbalized emotional concept "fear" reflects the specificity of the worldview of a particular ethnic group, the semiotic structure of proverbs and sayings includes intertext, actualizing background knowledge and figurative associations of Russian, English and Chuvash peoples.

Keywords: proverbs and sayings, perception of fear, emotional concept "fear", animalistic component, to experience fear, comparative analysis, semantic aspects.

С точки зрения культурно-национальной маркированности, накопленного народом опыта, прагматических установок определенным интерес для когнитивного сопоставительного исследования представляют собой пословицы и поговорки, которые творятся народом на протяжении тысячелетий, поэтому их исследование представляет определенный вклад в исследование концепта с точки зрения его диахронического становления. В пословично-поговорочном фонде языка накоплена информация и ясно просматривается специфика представления и осознания страха.

Анализ паремий, объективирующих эмоциональный концепт (ЭК) «страх» в английской и русской и чувашской лингвокультурах, свидетельствует о том, что в предметно-образном содержании исследуемого концепта гораздо больше различных,

специфических, чем общих характеристик исследуемого концепта. Отобранные пословично-поговорочные единицы позволили выделить несколько тематических групп, из которых часть является общей для всех культур. Эти совпадения являются инвариантными в том смысле, что в языках обнаруживаются пословицы на эту тему, но они не могут быть названы полными эквивалентами, поскольку обнаруживают сходство по идее, но расходятся по лексико-грамматическому оформлению.

Во всех сопоставляемых языках существуют пословицы, которые можно объединить под общим названием: «Пережив однажды ситуацию страха, экспериенцер данной эмоции начинает бояться даже потенциальной опасности». В русском и чувашском языках эта идея воплощается через поведенческие черты зоонимов: *Пуганая ворона куста боится; Пуганый зверь и воробья боится; Вор, что заяц: тени своей боится; Пёр хӳранӳ йытӳ виӳӳ кун вӳрнӳ, тет – Одна пуганая собака три дня лаяла, говорят; Кушакран хӳраман шӳши сук - Кошки не боящейся мыши нет; Хӳравӳӳ куян хӳй мӳлкинчен хӳрать – Трусливый заяц своей тени боится; Хӳравӳӳ куянӳн хӳрасах кун иртет – У трусливого зайца боясь день проходит; Хӳранӳ анчӳк хӳрине хӳсет – Пуганая собачонка хвост поджимает; Шиклӳ йытӳ хӳй мӳлкинчен хӳранӳ – Пугливая собака своей тени боялась; Шиклӳ йытӳ хыт вӳрет – пугливая собака сильно лает.* В чувашском и английском языках образ боязливого человека может передаваться и иными способами: *Вӳрӳпа кашкӳр сӳтӳран хӳрасӳӳ – Вор и волк боятся (дневного) света; Хӳравӳӳн куӳӳ пыӳӳк – У труса глаз большой; Хӳравӳӳ сӳнӳн куӳӳ чармак – Трусливого человека глаз таращится; Хӳравӳӳ чӳри чӳрне вӳӳӳнче – Труса сердце на кончике ногтя; Хӳравӳӳн хӳрах куӳе те сиччӳ курать – У труса и один глаз видит за семерых; Хӳравӳӳна хӳйӳн хӳти те хӳяматӳн курӳнӳн – Трусу собственный сват лешим виделся; Хӳракана валли йытӳсем те нумай – Для труса и собак много; Хӳракана тунката та тукмакӳн курӳнать – Трусу и пенек колотушкой видится; *A burnt child dreads the fire; Men are eager to tread under foot what once they feared.* Кроме того, английская пословица *Threatened folks live the longest: they take precautions* свидетельствует о том, что для англичанина свойственно принимать меры предосторожности, чтобы впредь избежать опасной ситуации: в психологии это называется адаптивная функция страха [1]. В русском языке также зафиксированы пословицы, в которых осуждается поведение трусливого человека: *Ядрам поклоны отдавать; Оглядываться, что волк на свой хвост; Покорную овцу трижды стригут; Смирного волка и телята лизнут; Кроткая овца волку по зубам; Барана стригут, а у козы поджилки трясутся.**

Осмысление страха через смерть находит свое воплощение в русском и английском языках. Однако отношение к смерти как причине возникновения страха различно для сопоставляемых культур. Для сознания русскоязычного человека, смерть рассматривается как неизбежность, страх смерти это естественное чувство человека: *Жив (человек) смерти*

боятся; Страх сильнее смерти; Бояться смерти – победителем не быть. Русское сознание не отстраняется от смерти, а примиряется с ней, мыслит как факт, который невозможно изменить. Подобное восприятие смерти русским сознанием объясняется традиционно русским отношением к жизни: ко всему надо относиться по-доброму, даже к смерти, принимая ее [4]. В англоязычных пословицах страх смерти признается самым интенсивным: *The fear of death is more to be dreaded, than the death itself; If you fear death, you are already dead; It is not death or hardship that is a fearful thing, but the fear of hardship or death; Death, like life, is an affair of being more frightened than hurt.*

В английском и русском языках страх соотносится с судьбой, Богом, подчеркивается совесть, высокие моральные качества богобоязненных людей: *The fear of God makes the heart shine; Бойся, не бойся, а року не миновать; В ком есть страх, в том есть и Бог; Кто Бога не боится, тот людей не стыдится; Бойся Бога, знай совесть.*

Сопоставляемые культуры выделяют такую характерную черту ЭК «страх», как способность управлять поступками людей. Английское языковое сознание различает: а) положительное воздействие страха, подчеркивающее назидательную (адаптивную) функцию страха: *Fear is an instructor of great sagacity and the herald of all revolutions; The fear of one increases the courage of the other; A good scare is worth more to a man than good advice; You must always fear if you want to be safe; Fear keeps the garden better than the gardener; Fear is the beginning of wisdom;* б) отрицательное воздействие эмоции страха на поступки человека: *Fear may force a man to cast the moon; Panic, the handmade of numbing fear, He who fears you present, will hate you absent; He threatens who is afraid; Don't let fear hold you back; Our fears do make us traitors, A slave to fear creates the hell on earth;* в) нейтральное воздействие страха: *Men who are afraid are in love with fear; He who is afraid of doing too much, always does too little; Fear no men and do justice to all men; If you fear that people will know, don't do it; Those who came were not afraid: those who were afraid didn't come.*

В чувашском и русском языках страх рассматривается в основном как нейтральный регулятор поступков людей: *Ѕылăхран хăрасан сын пулса та ўсес мар – Греха бояться – человеком не вырасти; Мунчана каякан йишинчен хăрамасть – В баню идущий тепла не боится; Пысăкран хăрас, кёсённинчен вăтанас – Большого бояться, среднего стесняться; На всяку беду страху не напасешься, Не стоит тратить свою жизнь на страх.* Данные пословицы носят больше рекомендательный, философский характер, являются размышлениями о значимости страха и его месте в жизни человека. Так в чувашском языке существует образованная во время Великой Отечественной войны пословица, активно употребляемая и в настоящее время: *Пйттар Раман фашистран хăраман – Батыр Роман фашистов не боялся,* которая носит поощрительный, подбадривающий характер, призывая человека не паниковать в опасной

ситуации. Во всех сопоставляемых языках отмечается, что неопытный, наивный человек не испытывает страха. В английской и чувашской пословицах внимание акцентируется на том, что страх может являться не врожденной, а приобретенной эмоцией: *Newborn calves don't fear tiger*; *Тинёс сине ситмен сын сехре хӑппи курман сын - На море не бывший человек – не выдавший страха человек*. В русском языке отмечается, что страх является эмоцией осознанной, а также тот факт, что страх испытывает тот человек, которому есть, что терять: *Глупый, что голый, ничего не боится*.

Английским языковым сознанием образ страха персонифицируется, наделяется признаками действия, выступает в роли наставника/учителя: *Fear is not a lasting teacher of duty. Fear is a great inventor*. Страх обладает физическими характеристиками: *Fear has many eyes; Fear is the father of cruelty; Early and provident fear is the mother of safety; Fear has a quick ear*. В пословично-поговорочном фонде английского языка выделяется группа пословиц, отражающих причинность возникновения эмоции страха. Среди причин возникновения страха в английской лингвокультуре наибольшей частотностью отличается сильно преувеличенная причина: *Fear is greater than the reason for it; The less there is fear the less there is of danger; Fear is ten times more terrifying than danger itself; A threatened blow seldom given*. Отмечается также, что безосновательность страха привлекает опасность: *Foolish fear doubles danger; What you fear happens sooner than you expect; From fear of breaking it you break the crystal*.

Для чувашского языка характерными являются пословицы, в которых иронически оценивается поведение боязливое, трусоватого человека, вызванное преувеличением опасности: *Шиклӗ сынна шик нумай – Опасающемуся человеку опасений много; Шиклӗ сынӑн куҫӗ чармак – У опасяющегося человека глаз таращится; Шиклӗ сынӑн хӑлхи шит сурӑ – У опасяющегося человека ухо в полтора аршина; Шикли шикленӗ кӗрӗк пӗркенӗ – Опасающийся, опасаясь, кутался в тулуп*.

Страх для представителей английской культуры является непреодолимым препятствием, бороться с которым бесполезно: *There is no medicine for fear; If you fear to suffer you suffer from fear*. В русском языковом сознании отмечается, что только действие помогает преодолеть/побороть страх: *Глаза страшатся, а руки делают; Кто идет вперед – того страх не берет; Не помрешь, так и не похоронят; Волков бояться - в лес не ходить; Дело мастера боится*.

В паремиологическом фонде чувашского языка зафиксировано значительное количество пословиц, акцентирующих роль труда в преодолении эмоции страха, способность человека справиться с любым делом, если он занимает активную жизненную позицию: *Ёҫрен хӑракан ыра курман – работы боящийся добра не видел; Ёҫрен хӑраман ӑста пулна – Работы не боявшийся мастером был; Ёҫчен сынран ёҫ хӑрать – трудолюбивого человека работа боится;*

Кирек мёнле ёҗ те астаран хәрәтә – Любая работа мастера боится; Куҗ хәрәсан та ала таватех – Глаз боится да рука все же делает; Куҗ хәрәтә те ала таватә ала тунине нү сёклет – Глаз боится да рука делает; Хәрәвҗәпа кахал ялан тус – Трус и лентяй всегда друзья; Алла шәрпәк кәрәсрен хәрәсан хәйй та чәлеймән – Руку занозить побоишься, лучины не настругаешь; Ёҗрен ан хәра, вәл хәй санран хәрәтәр, теҗсә – Работы не бойся, она сама тебя боится пусть, говорят; Ёҗрен куҗ хәрәтә те алә таватә – Работы глаз боится да рука делает.

В сопоставляемых лингвокультурах страх осмысливается через концепт «храбрость/мужество». В английском языке мужество одобряется и подчеркивается, что в основе храбрости лежит именно страх: *Courage is fear that has said its prayers; One must have courage even to fear.* Русский язык располагает большим количеством пословиц, в которых храбрость восхваляется: *Смелого удача догоняет; Храбрый и под землей пробивается; Смелые глаза – молодцу краса; Без отваги нет и браги; Кто смерти не боится, того пуля сторонится; Смелому горох хлебать, а робкому пустых щей не видать; Бой отвагу любит; Смелый там найдет, где робкий потеряет.* Паремии чувашского языка также поощряют смелость, подчеркивают необходимость быть бдительным в опасной ситуации: *Хәрушләх умәнче куҗна ан хуп – Перед опасностью глаз не закрывай; Пёр кашкәр пёр кәтү сурәха хәрәтәтә – Один волк одно стадо овец пугает; Хәрушләхра хәрах куҗна сывәрма хуинә – В опасность одним глазом спать велено.*

Для русского языкового сознания оказывается релевантным такой признак храбрости, как своевременность. В иллюстративных примерах отчетливо прослеживается ирония по отношению к храбрости, проявляемой в безопасном месте: *Хорошо медведя в окно дразнить! Собака в своей конуре храбра; Всякая собака в своем доме – лев; Из-за куста и ворона остра; Все собаки сильны у себя во дворе.* Также выделяются пословицы, отражающие показную храбрость. В этом случае внешность вступает в противоречие с поступками и образом жизни человека: *Сердце соколье, а смелость воронья. Молодец среди овец, а против молодца и сам овца; Кто любит помыкать другими – всегда трус; Повадки волчьи, а душа заячья.*

В русском и английском языках обнаруживаются пословицы, характеризующие исследуемый концепт через пограничный концепт «трусость»: *Несмелый всегда позади; Врага бояться – в живых не остаться; Сробел – пропал; Хуже как боишься: лиха не минешь, только надрожись; It is folly to die through fear of dying; Cowards die many times before their deaths.* В английском языке дается качественная характеристика трусу: *Cowards are cruel; A bully is always a coward.*

В англоязычных пословицах и поговорках реализуется семантический признак «продолжительность». Страх может быть длительным: *Endless are the torments of him who fears*

himself, Better a fearful end than fear without end. Английский и чувашский языки отражают такой признак, как «преждевременность»: *Let's fear no storm, before we feel the shower; Don't be afraid of tomorrow, look what could happen today; Шыва кёричченех пунтассинчен ан шиклен – В воду еще не вошедши, утонуть не опасайся.*

В пословично-поговорочном фонде английского языка выделяется такой признак ЭК «fear», как возможность использования в качестве средства манипулирования людьми: *Terror is a great temptation; Whom a man fears he wishes to perish; He who can hurt is dreaded even when not present; He threatens who is afraid.* В русском и чувашском языках этот семантический признак не актуализируется. Несмотря на неизбежность страха, английское языковое сознание не исключает надежды на избавление от него: *Let the fearful be allowed to hope; Hope and fear are inseparable: there is no fear without hope; He that hopes not for good fears no evil; Where no hope is left, is left no fear; No hope could have no fear; He has no hope who never had fear.* Таким образом, английские пословицы учат терпеливо переносить страх, довольствоваться надеждой на возможное избавление.

В чувашских паремиях четко прослеживается связь между понятиями «страх» и «дружба»: *Аслă тăшманран ан хăра, айван тусран хăра – Умногo врага не бойся, бойся глупогo друга; Хăравсă юлташ тăшманран хăруш – Трусливый товарищ врага страшней.* Несмотря на то, что в наши задачи не входит исследование речевой реализации эмоции страха с точки зрения гендерной маркированности, отметим, что в чувашской лингвокультуре осуждается недоброжелательное, агрессивное поведение женщины: *Усал хĕрарăмран шуйттан та хăранă, тет – Злой женщины даже шайтан (черт) боялся, говорят, а приверженность семейным ценностям поощряется: Упăшкалă арăма уна та хăратайман – С мужем жену (то есть жену при муже) и медведь не смог напугать; Качча кайнă хĕр килсен мĕлке те хăрать – Замужняя девушка вернется если, и помело боится.*

Итак, анализ представленного материала позволяет говорить как о сходствах, так и о различиях в предметно-образном содержании пословиц и поговорок, отражающих эмоциональный концепт «страх» в сопоставляемых лингвокультурах, а также указать на следующие семантические признаки. Для английской лингвокультуры релевантным является «осуждение и негативное отношение к трусости», тогда как храбрость/мужество, в основе которых лежит страх, поощряется в английском и русском языках, а в чувашской культуре трусость воспринимается подчеркнуто иронично. Русская культура иронично относится к проявлению запоздавшей и неуместной храбрости, осуждает обманчивую внешнюю храбрость. Обе культуры в качестве причины страха выделяют смерть, только в английских пословицах страх смерти признается самым интенсивным (*Fear is stronger than love; Fear closes the ears of mind; Fear kills more than illness; Fear brings more pain than does pain*) и

осуждается, а в русских пословицах страх смерти рассматривается как естественный страх человека. В английском языке присутствуют пословицы, характеризующие страх и как средство манипулирования людьми, страх как нейтральный регулятор поступков человека актуален как для английской, так и для чувашской лингвокультур. Английской культуре свойственно воспринимать страх как интенсивную эмоцию, с которой трудно бороться, не исключаящую, однако, надежду на избавление. Русская и чувашская культуры, напротив, поощряют и призывают к активному противостоянию страху с помощью конкретных действий. Персонификация страха, наделение его деятельными признаками, физическими характеристиками представляют собой специфику представления эмоционального концепта «страх» в английской лингвокультуре. В паремиях всех сопоставляемых языков активно используются зоонимы.

Как известно, пословицы обладают обобщающим, рекомендательным характером и этому во многом способствует тип их синтаксического построения [2]: обобщенно-личные предложения, употребление глагольного сказуемого в форме настоящего времени, множественного числа, отсутствие временной конкретизации.

В английском языке пословицы, объективирующие ЭК «страх», констатируют факт или событие, говорят о его закономерности и обобщенности (предложения в настоящем времени), причем использование конструкции с глаголом «to have» приписывает страху обладание некоторыми физическими характеристиками: *Fear has a quick ear; Fear has many eyes*, использование сравнительной степени прилагательных сравнивает страх с другими отрицательными эмоциями или явлениями, причем страх всегда сильнее, опаснее, хуже: *Fear kills more than pain*. Сравнительные конструкции предлагают определенный выбор: «если делать так, то получится вот что, а там вам решать», или «если бы было возможно, то случилось бы так»: *Nobody would be afraid if he could help it* (Никто бы не боялся, если б мог). Анализ синтаксических структур паремий показал, что по сравнению с английским языком, русский язык, отражая ЭК «страх», категоричней выражает предписание, назидание по поводу того, что надо делать в опасной ситуации или как преодолевать страх, что достигается с помощью императивных конструкций. Пословично-поговорочные единицы чувашского языка в основном характеризуют состояние страха как неотъемлемую составляющую жизни человека, рекомендуют преодолевать страх посредством трудовой деятельности и воспринимают излишне боязливого человека несколько иронично. Этноспецифичность паремий чувашского языка заключается в их матримониальном характере, приверженности истинной дружбе и близким людям.

В паремиологическом фонде сопоставляемых языков отражена специфика языковой картины мира конкретного этноса, семиотическая структура пословиц и поговорок включает интертекст, актуализирующий фоновые знания и образные ассоциации носителей русской,

английской и чувашской лингвокультур.

Список литературы

1. Изард К. Психология эмоций. - СПб.: Питер, 2000. – С. 355-452.
2. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: Сов. Писатель, 1991.
3. Кириллова Н.В. Концептуализация эмоции страха в разноструктурных языках (на материале русского, английского и чувашского языков): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Чебоксары, 2007. – 30 с.
4. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж, 2001. – С. 15-32.
5. Фелицина В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь / Ин-т русского языка им. А.С. Пушкина / Под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. – М.: Русский язык, 1988.
6. Fergusson R. The Penguin Dictionary of Proverbs. – London, Claremont Books, 1995.

Рецензенты:

Сергеев В.И., д.фил.н., профессор кафедры чувашского языкознания и востоковедения, ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет», г. Чебоксары;
Иванова А.М., д.фил.н., профессор кафедры чувашского языкознания и востоковедения, ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет», г. Чебоксары.